

Организованная преступность в России в 1990-е годы: от «красной мафии» к господству «авторитетов»

В.В. Кривошеев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Российская Федерация
✉ VKrivosheev@kantiana.ru

Часть первая

Аннотация. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать место и роль организованной преступности в жизни России в постсоветский период истории. Раскрываются основные характеристики нового этапа развития антисоциальной активности, когда криминалитету в 1990-е годы удалось не только выйти на уровень принятия властных решений, но и обеспечить себе едва ли не господствующее положение в жизни российского общества во всех его сферах. Предваряя раскрытие собственно негативного перерождения российского социума, автор счел необходимым показать общее его состояние к началу 1990-х годов, когда оно находилось в состоянии социальной катастрофы. Раскрываются процессы развала промышленного и сельскохозяйственного производства, снижения объема валового национального продукта, что было беспрецедентно по своим масштабам для мирного времени. Делается акцент и на массовом обнищании значительного количества индивидов, что в значительной степени способствовало криминализации социальных отношений, нарастанию антисоциальных настроений, росту преступности, в том числе в ее организованных формах. Впервые после Великой Отечественной войны в стране вновь появилось много беспризорных детей. Анализируется в этой связи и ход так называемой приватизации, когда преступный социальный мир обеспечил себе захват многих ключевых объектов собственности, целых отраслей народного хозяйства страны. Отмечается огромный рост коррупционных проявлений, сращивания части работников аппарата управления с преступными элементами. Фиксируется нарастание сепаратизма, что во многом связано именно с тем, что многие региональные чиновники открыто взаимодействовали с криминалитетом. Показывается относительно новое явление в жизни общества – организованная спортивность, что означало подготовку боевиков преступности в различных секциях, в основном занимающихся разными видами единоборств.

Ключевые слова: организованная преступность, постсоветский период истории, приватизация, сепаратизм

Для цитирования: Кривошеев В.В. Организованная преступность в России в 1990-е годы: от «красной мафии» к господству «авторитетов» // Социальная компетентность. 2024. Т. 9, № 2. С. 45–63.

Organized crime in Russia in the 1990s: from the "red mafia" to the dominance of "authorities"

V.V. Krivosheev

I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
✉ VKrivosheev@kantiana.ru

Part One

Abstract: Purpose of this article is to show the place and role of organized crime in the life of Russia in the post-Soviet period of history. The main characteristics of the new stage of the development of antisocial activity are revealed, when in the 1990s, criminals managed not only to reach the level of decision-making, but also

to secure an almost dominant position in the life of Russian society in all its spheres. Preceding the disclosure of the actual negative rebirth of Russian society, the author considered it necessary to show his general condition by the beginning of the 1990s, when it was in a state of social catastrophe. The processes of collapse of industrial and agricultural production, a decrease in the volume of gross national product, which was unprecedented in their scale for peacetime, are revealed. Emphasis is also placed on the mass impoverishment of a significant number of individuals, which greatly contributed to the criminalization of social relations, the increase in anti-social sentiments, and the increase in crime, including in its organized forms. For the first time after the Great Patriotic War, many street children reappeared in the country. The course of the so-called privatization is also analyzed in this regard, when the criminal social world secured the seizure of many key property objects, entire sectors of the country's national economy. There is a huge increase in corruption manifestations, merging some of the employees of the management apparatus with criminal elements. The growth of separatism is recorded, which is largely due to the fact that many regional officials openly interacted with criminality. A relatively new phenomenon in the life of society is shown - organized sportsmanship, which meant the training of crime fighters in various sections, mainly engaged in different types of martial arts.

Keywords: organized crime, post-Soviet period of history, privatization, separatism

For citation: Krivosheev V.V. Organized crime in Russia in the 1990s: from the "red mafia" to the domination of "authorities". *Social Competence*, 2024, vol. 9, no. 2, pp. 45–63. (In Russ.).

Введение

Давно в определение 1990-х годов применительно к российскому обществу вошло понятие «лихие девяностые». Первыми его использовали публицисты, журналисты, которые всегда предпочитали яркие термины с целью большего воздействия на читателей. Но вскоре такой термин стали активно применять и исследователи в сфере гуманитарных и социальных наук. Речь идет об экономистах [25; 36], правоведах [4], политологах [64], литературоведах [6], историках [5], социологах [61].

Словом, само понятие давно утвердилось и в полной мере передает оценку крайних форм социального напряжения, антиобщественного поведения, присущих многим индивидам России в указанный период. Используя официальную статистику, обращаясь ко многим исследованиям, вполне можно утверждать о четкой фиксации в 1990-е годы настоящего разгула преступности во всех ее формах, подлинной криминальной агрессии. При этом надо иметь в виду, что возникло все это не сразу, неожиданно. Основания для столь мощного криминального наступления были заложены ранее, и в 1970-е, но в основном в 1980-е годы.

Цель исследования

Целью данной статьи является по возможности полное раскрытие функционирования организованной и иных форм преступности в 1990-е годы. Достижение этой цели возможно, по нашему мнению, при решении следующих сопряженных задач. Во-первых, имеется в виду показать условия и факторы, которые породили наступление криминалитета, дальнейшее его проникновение в указанный период на уровень принятия властных решений. Во-вторых, важным видится анализ преступных проявлений в различных сферах общества.

При этом важным виделся показ того, как криминальная активность была генетически связана с предыдущими ее проявлениями, во многом наследовала то, что уже сложилось в 1980-е годы.

Методология и методы исследования

Представляется целесообразным при рассмотрении преступности в 1990-е годы использовать институционализм. По нашему мнению, криминальная активность в разных ее формах может рассматриваться как своеобразный антисоциальный институт. Все институциональные элементы при этом вполне могут быть зафиксированы. Преступность имеет свою

нормативную основу, т.е. определенные представления о правилах, регулирующих взаимодействия в этом особом социальном мире. Есть и знаково-символические слагаемые, и даже своя идеология. При это наиболее существенно именно то, что данный, по сути, антисоциальный институт разлагает социум, обеспечивает продвижение таких норм и ценностей, доминирование которых приводит к негативной синергии, т.е. не только не способствует сплочению и развитию общества, а ведет к его распаду. В статье автор опирается на анализ статистических данных, на вторичный анализ разнообразной информации, которая содержится в трудах специалистов в социальных науках, а также представлена на сайтах социологических центров.

Социально-экономические и иные условия криминальной активности в 1990-е годы

Развернуть анализ социально-экономической ситуации в российском обществе в 1990-е годы необходимо для того, чтобы зримо представить себе все те проблемы, с которыми столкнулся социум, в каком положении оказались многие миллионы людей в России, показать, что реально снижало порог недозволенного и преступного поведения индивидов. Большинство экономистов отмечали, что промышленное и сельскохозяйственное производство в России в 1990-е годы упало так, что это было совершенно нехарактерно для мирного времени. Так, в 1991–2000 гг., впервые в истории, в стране наблюдалось падение ВВП на 31,8%, страна оказалась на грани деиндустриализации [53].

Ни одна страна не знала столь длительного и глубокого снижения производства продукции, уменьшения ВВП в целом, как в России в 1990-е годы. В своей статье тогда еще исполняющий обязанности Президента РФ В.В. Путин привел такие статистические данные. По совокупному размеру ВВП Россия к концу 1990-х годов уступала США в 10 раз, Китайской Народной Республике – в 5 раз [47].

Существенно снизились в 1990-е годы ассигнования в научные исследования, что в определенной степени свидетельствовало о деградации этой важнейшей сферы социальной жизни. Эксперты считают, что доля ВВП на государственные ассигнования на науку не только для ее сохранения, но и развития не может быть ниже 2%. Если она уменьшается до 1,5%, то это вызывает медленную элиминацию фундаментальной науки как основы науки как таковой. В Израиле этот показатель в середине 1990-х годов был 3,5%, в Японии – 3,05%; в США – 2,75%; в России – 0,32% [42, с. 143]. По данным академика Н. Петракова, на научные исследования в конце 1990-х годов в России в расчете на душу населения расходовался 61 доллар в год. В Австралии, Австрии, Бельгии – 350 долларов, в Германии – 510 долларов, в США – 795 долларов. Даже в таких не лидирующих в научном отношении странах, как Португалия и Венгрия, расходы на научные изыскания были соответственно 95 и 72 доллара [44].

За этими данными, которые, на наш взгляд, весьма показательно характеризуют социально-экономическое положение российского общества, скрывается не только оценка состояния в экономической сфере общества. Падение производства, прекращение или крайнее сужение деятельности на многих предприятиях не могло не привести к таким новым явлениям в жизни социума, как массовая безработица, хронические невыплаты заработной платы. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на трудовой активности миллионов людей, на их социальном самочувствии.

Ситуация в развитых странах свидетельствует, что на пороге бедности без угрозы социальной стабильности может жить не более 10% населения [42, с. 179]. В России в середине 1990-х годов не менее одной трети населения существовало на бюджете деградации [49, с. 59].

Основные ресурсы по различным расчетам в тот же период являлись достоянием не более одного процента населения [38, с. 16]. Все это приводило, в частности, и к существенной деформации адаптационной практики индивидов, значительная часть из которых не

усматривала ничего предосудительного в нарушении законов. Это можно объяснить и теми ошибками, которые руководство страны допускало в ходе кардинальной трансформации. Можно согласиться с оценкой, что в тот период правительство России не смогло решить задачу реализации рыночных реформ, перевести страну на вектор устойчивого развития. Плановая экономическая модель была ликвидирована, но, увы, новая так и не появилась [15, с. 16]. Важно показать, как сами россияне оценивали свое положение и кто, с их точки зрения, в наибольшей мере мог добиваться успеха в непростое время. Всероссийский центр изучения общественного мнения в своем исследовании, проведенном в 1997 году, установил, что 58% опрошенных в 1997 г. считало, что наибольшего успеха в России в состоянии добиться жулики, махинаторы, мошенники, словом, те, кто совершил тот или иной поступок, не совместимый с законами [58].

Современная российская социальная наука, как представляется, до сих пор далеко не в полной мере сопоставляет вполне возможную взаимообусловленность катастрофического состояния российского социума в 1990-е годы и вплетенность различных, говоря юридическим языком, преступных элементов в социальную ткань, во многие социальные институты и процессы. А это в еще большей степени предопределило глубину негативных проявлений в ходе кардинальной трансформации российского общества.

Известно, что уже в 1990-е годы представители власти, некоторые эксперты стали настойчиво продвигать идею, что Россия вступила в этап модернизации. Но вот социолог В.А. Ядов сделал вывод, что за внешне привлекательными декларациями о движении по пути осовременивания всей социальной жизни в определенном смысле скрывалась пустота. В действительности модели модернизации, реализуемые в других странах, для России оказались неприемлемыми. С точки зрения В.А. Ядова, так и не получилось убедительно раскрыть состояние и динамику социальных процессов в России [66, с. 65–66]. При этом важно подчеркнуть другое. Выше уже говорилось, что криминальная активность в российском обществе, в том числе в организованных ее формах, приобретала исключительно опасный характер. Не учитывать это при рассмотрении всего происходящего в России в 1990-е годы было бы просто некорректно. Поэтому и возникал вопрос: уже если стали говорить о модернизации, то кто ее возглавлял? В каком направлении реально шла Россия? А.П. Бутенко, например, определял общественный строй в России в середине 1990-х годов как некоторый синтез остатков тоталитаризма со спекулятивно-мафиозным становлением капитализма [2, с. 101]. С.Ю. Глазьев считал, что российское общество того периода можно назвать криминальным капитализмом [8, с. 8]. Но дело, разумеется, не в том, чтобы найти очередные определения российского социума в 1990-е годы. Такие дефиниции скорее дань традиции, когда отечественная социальная наука, всегда используя, по сути, марксистский подход, пыталась выделять некие этапы развития общества. Важно другое: находясь, как говорится, внутри стремительных процессов не столько планомерного преобразования общества, сколько хаотичной его автотрансформации, отечественные исследователи пребывали в некой методологической и теоретической растерянности. Действительно, прежние модели и маркеры уже не работали, а новые еще не появились. Отсюда и сказывалась невозможность адекватно оценить состояние и перспективы своего общества [67].

Криминальный потенциал российского общества: политическая сфера, политическая коррупция

Анализ криминального потенциала российского общества в 1990-е годы представляется необходимым начать с политической его составляющей. Именно эта сфера, включающая все элементы политической системы, функционально нагружена целеполаганием, при-

нятием наиболее масштабных управленческих решений. Соответственно, если в этой подсистеме общества наблюдается криминальное перерождение, то это неизбежно сказывается на всех остальных слагаемых общественной жизни.

После появления так называемой «новой России», что произошло после распада Советского Союза, достаточно быстро стала складываться совершенно новая социально-политическая обстановка, в которой федеральной власти предстояло действовать. Насколько это было успешно в 1990-е годы, мы сейчас и покажем.

Во-первых, вскоре проявляются откровенно сепаратистские настроения у правящей элиты многих бывших автономных республик в составе России, формируется своего рода законодательная база под все эти уже даже не мечты о самостоятельном существовании. Вскоре после распада Советского Союза почти все автономии провозгласили свой суверенитет. Более того, Татария, Чечня, Якутия посчитали необходимым выйти из состава Российской Федерации. Этому способствовало и явно ошибочное поведение тогдашних руководителей России, Президента Б.Н. Ельцина, и в Татарии, и в Башкирии сказал печально известную фразу: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите» [52]. Именно в таком виде, не акцентируя внимание на известное продолжение фразы, ее и тиражировали.

Поэтому автономные республики, где коренным населением были отнюдь не русские, требовали все больших полномочий. Как видим, новая российская власть показывала обществу, что целесообразность важнее закона, а желание главного действующего лица российского общества выше права и законности. Это не могло не воздействовать на массовое сознание, вызывая в нем негативизм по отношению к любым нормам. Ведь власть сама показывала примеры пренебрежения законом, действуя порой цинично и жестоко. Так и было, когда в начале октября 1993 года в Москве начались массовые выступления против указа Президента Б.Н. Ельцина о роспуске легитимно избранного Верховного Совета страны. Но и оппозиция тоже действовала противоправно. Под руководством вице-президента А.В. Руцкого, который незаконно провозгласил себя президентом, протестующие попытались взять штурмом здания московской мэрии и телецентра. Известно, чем все закончилось. Было расстреляно здание Верховного Совета, и до сих пор нет данных о числе жертв защитников так называемого Белого дома [37, с. 38]. Поэтому действительно порой трудно определить момент, с которого терроризм государственный – преступление рвущихся к власти, перерастает в террор государства, т.е. преступление пришедших к власти [18, с. 10].

Демократия в России, как видим, начиналась, по сути, с криминального расстрела парламента. По-разному можно расценивать это. Но есть и такая точка зрения, что произошедшее было и провокацией, и государственным переворотом [63]. По сути, это был первый акт государственного терроризма.

В силу этого легко объяснить и тот факт, что политический терроризм стал достаточно распространенным явлением в тот период. Логика прослеживается, как говорится, очевидная: уж если государство позволяет себе не просто нарушение законов, а вооруженное подавление законно избранной власти, то почему это нельзя делать другим акторам, в меньших масштабах, естественно. Статистика свидетельствует, что в 1994 г. было зарегистрировано 18 террористических актов, в 1995 г. – 46 [1, с. 61].

Не менее опасной формой криминализации политической сферы российского общества была коррупция. Понятно, что это явление было свойственно всем стратам социума. В конце концов, нельзя забывать, что решение элементарных жизненных проблем, будь то взаимодействие с сотрудником милиции после нарушения правил дорожного движения или попытка ускорить продвижение своей просьбы в каком-нибудь учреждении, как правило, не обходилось без соответствующей «благодарности». Но все это была, что называется, низо-

вая коррупция. Разумеется, и эта форма мздоимства деформирует систему социальных отношений, понижает уровень нравственности в обществе. И все же куда опаснее политическая коррупция, т.е. такая, которая затрагивает основы государственности, переводит в сферу коммерции решение куда более масштабных проблем, начиная от назначения руководителей регионов до распределения довольно скудных субсидий из федерального бюджета. Можно в этой связи вспомнить и то, как так называемая «семибанкирщина», т.е. группа руководителей банков, других крупных бизнесменов, которых в реальности было больше семи, финансировала предвыборную кампанию Б.Н. Ельцина в 1996 году, когда его рейтинг в начале этого года едва достигал 4% [23].

Исследование коррупции весьма затруднено, потому как это деяние, говоря юридическим языком, обладает высокой степенью латентности. Криминологи, например, оценивают этот уровень в 90–95% [10, с. 38]. Естественно, политическая коррупция в России не была чем-то из ряда вон выходящим, каким-то исключительно нашим, отечественным явлением. Достаточно вспомнить, например, так называемое дело «Локхид» в Японии. Эта корпорация делала регулярные «пожертвования» премьер-министру Танака Какуэй, чтобы гарантированно продавать самолеты японским компаниям. Вице-президент «Локхид» признался, что компания заплатила около 3 млн долл. в виде «финансовой помощи» премьер-министру Японии за содействие в сопровождении контрактов [60, с. 48]. И подобных примеров из самых разных стран немало. И это только те события, которые попали в прессу, вызвали общественный резонанс. Отличие с нашей страной в 1990-е годы видится в другом. В России того периода истории коррупционеры часто оставались у власти, за свои действия они не отвечали по закону.

Социально-политическая ситуация в России в 1990-е годы оценивалась с разных мировоззренческих позиций. Но наиболее приемлемой нам видится представление о катастрофе, именно такая социальная модель, по нашему мнению, наиболее полно отражает реалии того времени.

А.И. Пригожин, например, отмечая достаточную подвижность границ между понятиями «кризис» и «катастрофа», считает все же, что катастрофа от кризиса отличается глубиной потрясений, в результате которых происходит дезинтеграция социальной системы. Другой критерий сам автор признает спорным: более быстрый характер катастрофы в сравнении с кризисом. При этом А.И. Пригожин оговаривается, что понятие «стремительность» вообще, вероятно, трудно применимо к социальным процессам [46, с. 114]. В.В. Локосов более категоричен, он считает, что говорить о кризисе в России 1990-х годов нельзя, общество развивалось в то время по катастрофическому сценарию [31].

По многим параметрам общественного развития, и с нашей точки зрения, можно говорить, что в тот период развитие характеризуется как идущее по пути катастрофы.

При этом произошло своеобразное наложение ряда субъективных факторов. С одной стороны, это явно неумелое управление социальными процессами, исключительное корыстолюбие правящей элиты. С другой – это выход на уровень принятия властных решений на всех уровнях представителей криминалитета. Более того, преступный мир не просто получил доступ к властным рычагам в основных подсистемах социума. Криминальные элементы в решающей мере стали определять и перспективный вектор трансформации общества, вступившего на путь рыночных преобразований и без того сложный, чреватый многими рисками, и решение оперативных задач.

Меньше всего нам хотелось бы выглядеть с этой точкой зрения политически или идеологически, или даже научно ангажированным, оказаться в плену собственной привлекательной и оригинальной концепции. В дальнейшем изложении, показав сущностные характеристики криминализации, содержание всей совокупности социальных отношений в России с

точки зрения их криминальной пораженности, нам удастся достаточно доказательно, всесторонне обосновать этот тезис.

Пока мы можем констатировать одно: глубина социальной деградации российского общества в 1990-е годы не может быть выражена категориями «случайность», «непредвиденная флуктуация», как порой некоторые исследователи пытались представить все происходящее в российском обществе. Речь может идти о сущностных, возможно даже закономерных, процессах, которые могли быть вполне предсказуемыми. Во-первых, по нашему мнению, новая российская власть, стремясь избежать так называемого коммунистического реванша, искала сторонников, что называется, где угодно, не гнушаясь связями с представителями преступного мира. Во-вторых, безволие, а то и стремление не обращать внимание на реалии, которые на самом деле представляли не столько в виде доминирования гражданственности, свободы, сколько в форме анархистского своеволия значительной части общества, привело к обвальному росту преступности. В-третьих, получают в этот период все большее распространение такие нормы, которые не могут быть определены как позитивные, ведущие к утверждению права, моральных предписаний. Даже распространяющаяся лексика (*беспредел, халява, легавый, мочить* и т.п.) наглядно свидетельствовала, откуда она появлялась. В 1994 году впервые в нашей стране был даже издан словарь тюремного арго [3]. Этот язык становился новой нормой, он использовался журналистами, не брезговали им и представители власти.

Во-вторых, в 1990-е годы криминальный мир не только перехватил, но и активно выполнял такие функции, которые прежде были прерогативой властных органов. Это была так называемая вынуждаемая силовая защита (рэккет), когда определенные группировки, не бесплатно, естественно, брали на себя охрану объектов собственности. Это могли быть киоски, в которых новоявленные бизнесмены продавали стандартный набор: чипсы, пиво, газировка и т.п. Группировки побольше «брали под охрану» уже более масштабные объекты, среди которых могли быть и супермаркеты, склады.

В-третьих, криминалитет смог взять под контроль производственные мощности некоторых подотраслей экономики, таких, например, как добыча редкоземельных элементов, нефти, газа. Так, изучение В.В. Радаевым мнений предпринимателей, которое он провел в 1996 году, выявило, например, что силовое вымогательство и угрозы изъятия собственности отметили 79% опрошенных бизнесменов, а 17% считали, что такие методы применялись часто [31, с. 83].

«Параллельная» социальная структура российского общества в 1990-е годы: место криминалитета в жизни социума

Есть все основания констатировать, что в 1990-е годы в России наряду с открытой, явной, мы бы сказали, социальной структурой сложилась и существовала вторая, теневая, латентная структура общества. Вот что это означает в реальности. Что касается изменений в открытой, по нашему определению, структуре, то в ней начинает заявлять о себе бизнес-слой. В этой страте были представлены, по терминологии И.В. Куколева, «комсомольцы», «физики», «управленцы» и «банкиры» [29]. Под «комсомольцами» при этом понимались молодые, активные функционеры структур комсомола, связанные, например, с туристическими фирмами (бюро международного молодежного туризма «Спутник»), строительными отрядами, организациями научно-технического творчества молодежи. Они быстро включились в освоение рыночных отношений, используя опыт общения во властных структурах, преобразуя полуобщественные формирования в коммерческие организации. Активно использовали вчерашние комсомольцы и навыки, которые были приобретены в организации различных развлекательных мероприятий, конкурсов и т.п. Поэтому для них ничего не стоило освоить шоу-бизнес.

Кроме этого, в ту пору появилась такая услуга, как прокат видеокассет в специальных салонах. Не стоит забывать, что даже компактные видеомagnetофоны, по крайней мере в начале-середине 1990-х годов, в домашнем обиходе были не очень распространены. Недавние «борцы за дело Ленина и партии» быстро превратились в жестких и циничных фирмачей, как тогда называли представителей зарождающегося слоя предпринимателей.

«Физики» – это представители научно-технической интеллигенции, занимающиеся компьютерной, множительной техникой, которая была в ту пору новинкой для новой России. Под «управленцами» понимались руководители и заместители руководителей до недавнего прошлого государственных предприятий, которые стали акционерными обществами. «Банкиры» также были специалистами, которые работали в структурах государственного банка СССР, сберкасс, которые также преобразовывались в коммерческие организации. Но вот чего явно недостает в этом представлении о бизнес-слое российского общества, так это того, что в нем были представлены, причем в немалом количестве, представители криминального мира. Именно это делало структуру России того времени не просто неоднородной, но зараженной негативными элементами, занимающими при этом отнюдь не периферийное положение в обществе [35].

Трансформация общества действительно шла в направлении формирования рыночных отношений. Соответственно, преобразовывались и бывшие министерства и ведомства. Они быстро становились концернами, трестами. И руководители этих структур стали вдруг крупными предпринимателями. В.С. Черномырдин, который был министром газовой промышленности СССР, возглавил в конце 1980-х годов концерн «Газпром». Приватизированное министерство тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения, которое стало концерном «Тяжэнергомаш», возглавил также бывший министр В.М. Величко [14, с. 143]. И это было присуще всем отраслям экономики, включая, естественно, торговлю, сферу услуг. Торговые управления и крупные магазины стали торговыми домами, государственные автомастерские – частными автосервисами. На этом этапе возникает отчетливая связь недавних партийных и советских чиновников с владельцами кооперативов, коммерческих предприятий. Ведь им требовались торговые площади, складские помещения, разного рода оборудование, офисные здания и т.п. С этого момента и возникает социальный симбиоз чиновников, вчерашних номенклатурных работников с предпринимателями, при этом зачастую явно криминального толка. Выгода была взаимной, основанной на финансовом интересе обеих сторон.

Как видим, рекрутирование этой новой экономической элиты шло в основном из представителей прежней, советской номенклатуры. Ж. Василевски, на исследование которого ссылается Н.Ю. Лапина, например, показал, что 66,8% работников аппарата управления в советское время к середине 1990-х создали свои фирмы. А 43,1% остались в сфере государственного управления [30]. Такой переход, по данным Института социологии РАН, совершали в основном комсомольские и хозяйственные руководители [56]. Еще одна социальная группа, на основе которой происходило становление слоя предпринимателей, которую можно назвать независимыми бизнесменами. Часть представителей этой группы стала обслуживать криминальные и околокриминальные элементы, поскольку только эти люди могли вскрывать защитные системы компьютеров, создавать базы данных, отстраивать охранную электронную аппаратуру и т.п.

В категорию «независимых» можно отнести и тех, кто на основе закона об индивидуальной трудовой деятельности в конце 1980-х годов приступил к первоначальному накоплению капитала. Таких было немного. И они, конечно, испытали на себе криминальный пресс. В эту группу включаются и представители общественных организаций, в частности воинов-афганцев, инвалидов и др., которые получали налоговые и иные льготы для предпринимательской деятельности, что стали использовать представители криминалитета.

Становление новой социальной структуры шло неравномерно, учитывая экономический кризис, который не позволял относительно стабильно закреплять новые социальные страты в российский социум. Надо также иметь в виду, что стремительное вступление российского общества в рыночные отношения не позволяло многим индивидам идентифицировать себя с тем или иным социальным слоем. Это объяснимо: находясь, что называется, в самой гуще процесса, люди вряд ли могли отчетливо осознавать масштаб изменений, а значит и понимать свое место в новой социальной иерархии [16].

Рекрутирование новой страты, именуемой чаще всего весьма условно как «новая буржуазия» или «новые русские», шло из самых разных групп. Исследователи пришли к выводу: по генезису российские предприниматели сводимы к некоторым прежним группам [22]. Эти группы прежнего социума были относительно изолированы друг от друга. Тем примечательнее, по нашему мнению, появление неких общих ментальных свойств у этих людей. Если прежде о предпринимательстве можно было говорить, имея в виду сугубо криминальные явления, то в 1990-е годы бизнесмены начинают действовать вполне легально, более того, с полной поддержкой властных структур разного уровня.

Особо следует выделить одну группу, формирующую бизнес-слой новой России. Она состоит из представителей криминального мира, частично легализовавшегося в силу неосмотрительности и криминологической безграмотности тех, кто готовил закон о кооперативах и частной предпринимательской деятельности. Детально на этой страте в данном случае нет необходимости останавливаться особо, поскольку речь о криминалитете пойдет далее. Здесь важно было лишь показать, из кого рекрутировались предпринимательские группы, что послужило основанием их образования, как возникали все эти «новые русские», герои многочисленных анекдотов в России в 1990-е годы.

В целом, во-первых, мы можем констатировать наличие в ту пору весьма емкого преступного слоя в российском социуме. Так, в учреждениях исполнения наказания в 2000-м году находилось более 1 млн заключенных. А в изоляторах временного содержания одновременно могло находиться до 2 млн человек, ожидающих суда [59, с. 5]. При этом надо учитывать наличие убедительной доказательной базы обвинений, что, понятно, отражает профессионализм новой российской правоохранительной системы.

Вот один пример. В Братске Иркутской области, например, в год только из-за недоказанности содеянного в судах прекращалось свыше 15% уголовных дел [27]. Естественно, нельзя все сводить к отдельным примерам. Но с полным основанием можно предположить, что этот город не являлся исключением, не лучше обстояло дело и в других регионах страны.

Надо к тому же отдавать отчет, что преступный социальный мир неоднороден. В нем присутствовали не только воры-одиночки или рядовые исполнители воли своих криминальных «начальников». В нем, в этом особом социальном мире, видную, но далеко не всегда афишируемую роль играли представители беловоротничковой преступности, которые занимали посты в фирмах и организациях, банках и властных структурах.

Во-вторых, в России в 1990-е годы сложился, реально существовал, по нашему определению, допреступный социальный мир. Это группы, отдельные индивиды, находящиеся как бы на тонкой грани между позитивным поведением, действием и нарушением законов, предписаний и т.п. В 1990-е годы этот особый социальный мир был, разумеется, весьма значительным. Деклассирование большого количества людей в ту пору сопровождалось маргинализацией и люмпенизацией значительных слоев населения [43]. Появление русскоязычных беженцев, экономический кризис, а значит, остановка предприятий и, как следствие, массовая безработица повлияли на снижение порога возможного антисоциального поведения многих индивидов. К этому можно добавить и беспризорность, появление целого поколения, которое мы определяем как несостоявшееся, озлобленное, неудовлетворенное своим положением,

инстинктивно понимающее невозможность воспользоваться возможностями позитивной восходящей социальной мобильности. Выпускники профессионально-технических училищ в советский период истории в целом ориентировались на созидательный труд, возможность проявить себя, заслужить признание в коллективах. В 1990-е годы ситуация кардинально изменилась. Среди этой категории молодежи появилось все больше неустроенных, озлобленных людей, готовых во имя призрачных материальных благ, которые, к слову заметить, стали активно навязываться рекламой, легко преступить закон, моральные предписания [26].

Известно, что производственный ритм на предприятиях, необходимость для человека не просто адаптироваться к нему, а вполне осознанно включаться в процесс предполагает не только выработку трудовых навыков, но и закрепление дисциплинарных основ поведения, взаимодействия. Это относится не только к сфере материального производства, но и к включенности человека в любые социальные организации. Не следует идеализировать такое поведение людей в советское время. Отмечались тогда и прогулы, пьянство в рабочее время, другие нарушения. И все же в целом подавляющее число индивидов следовали предписаниям и правилам, режиму рабочего времени. Когда же наступила ситуация развала промышленного и сельскохозяйственного производства, к сожалению, выбора у человека зачастую просто не оставалось. Отчуждение людей от труда, от управления производством достигло в 1990-е годы масштабов, которые никогда прежде не отмечались. Хотя Ю.Л. Неймер считает, что именно за советские десятилетия истории российского общества сложился тип работника, чьи ценности сместились в сторону низкой интенсивности труда и потери интереса к его содержанию [39, с. 29]. Это одна из крайних точек зрения. Другая состояла в широко распространяемых пропагандистских утверждениях о непрерывном самоотверженном и вдохновенном труде едва ли не всех работников во всех сферах народного хозяйства страны.

Представляется, что ни та, ни иная позиция в полной мере не отражают существовавшие реалии. Что касается первоначального постсоветского периода, то фактом является то, что и безработица, и люмпенизация в действительности составили социальную базу допреступного мира. Люди просто были вынуждены выживать индивидуально, вне связи с солидаристским положением в коллективах, вне социально-позитивных контактов и взаимодействий [65].

Политика государства в 1990-е годы в этом отношении оказалась недаленовидной, она не опиралась на лучшие традиции каждого народа, населяющего Россию. Власть при этом занималась зачастую лишь своими проблемами, а вчерашние партийные и советские чиновники, недавно призывавшие к самоотверженному труду, стали присваивать собственность, увеличивали свои финансовые и иные материальные ресурсы.

В-третьих, говоря о структуре российского общества в 1990-е годы, можно зафиксировать, что кроме преступного и околопреступного миров криминально пораженными стали и остальные, скажем так, в целом позитивно ориентированные страты. И в 1990-е сохранялись прежние социальные группы (рабочие, служащие, крестьянство) [13, с. 49]. В то же время их характеристики уже изменились. Рабочие теперь подчинялись не просто своим начальникам, бригадирам и т.п., а имели дело уже с хозяевами, формирующимся, что уже отмечалось, бизнес-сообществом. Да и у крестьянства ситуация радикально изменилась. После крушения колхозно-совхозного строя также приходилось работать либо индивидуально, отвечая в полной мере за свое хозяйство, либо, входя в агрохолдинги, фермерские хозяйства, также работать, подчиняясь требованиям руководителей-хозяев.

В силу этого новая система хозяйствования внесла коррективы в возможность влиять на принятие управленческих решений. В советское время, даже при всех издержках и формализме участия рядовых работников в управленческой практике, такое участие через разные общественные органы (постоянно действующие производственные совещания, профсоюзные

организации группы «Народного контроля», например) коллективов было возможно и даже поддерживалось всеми уровнями власти [7]. Однако социальная апатия, безнаказанность, двуличие охватили и производственную сферу. Особенно это стало проявляться на заключительном этапе советского периода. На предприятиях все чаще происходило воровство, начисление незаслуженных премий, оплата работы, которая фактически не была выполнена. Но даже в этом своем действии значительной части представителей рабочих сама эта социальная группа выступала в качестве важнейшего, действительно системообразующего элемента структуры советского общества [7]. Но именно этот элемент, именно рабочий класс оказался подвержен мощному криминальному воздействию, иногда вынужденно обслуживая преступный мир.

Аналитики отмечают, что многие предприятия в начале-середине 1990-х годов обеспечивали собственное выживание за счет относительно простого производства, выпуска продукции сугубо бытового, потребительского назначения [57].

Производство делалось примитивным, что не могло не сказаться на квалификационных и морально-психологических качествах работников. Одно из ведущих предприятий Калининграда (производственное объединение «Кварц», например, которое входило в систему Министерства электронной промышленности, изготавливало станки с числовым программным управлением и готовилось к выпуску советского суперкомпьютера «Антей») в 1990-е годы перешло на производство кухонных вытяжек и другой бытовой техники. Можно к этому добавить, что к 1990 г. на предприятиях объединения (а эти предприятия были не только в Калининграде, но и в городах области: в Советске, Черняховске, Багратионовске) было занято 8674 человека [40], а в 2019 году на заводе работало всего 219 человек [24]. Понятно, что это не могло не сказаться на организованности, техническом уровне производства, технологической его насыщенности.

Можно зафиксировать архаизацию хозяйственной жизни в этот период. На улицах городов появились тогда так называемые «бомбилы» (так в России называли таксистов-индивидуалов), а также то, что получило название шабашничества. Шабашники – самостоятельно организованные бригады работников по ремонту квартир, уборке помещений и т.п. [41]. Получается, что в 1990-е годы происходила масштабная деиндустриализация. И это в полной мере способствовало увеличению допреступного социального мира. Хотя бы потому, что никто из этих новых-старых работников не платил налоги, официально не был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя. После того как мы показали условия и факторы существенных сдвигов и в социальной структуре общества, и в криминальной насыщенности его политических элементов, представляется целесообразным показать настоящее наступление преступного мира.

Преступная агрессия в России в 1990-е годы: нарастание криминальности общества

В 1990-е годы криминалитет быстро сделал свой выбор, быстро признал новую «демократическую» власть в России и занялся привычным делом, но только уже в принципиально новых для себя условиях. Наступило, как принято говорить в России, «время большого хrapка» [28], т.е. время беспрецедентного разграбления и присвоения ранее «общенародной» собственности, а заодно и резкого роста преступлений против личности.

Все начиналось банально, с обычного противостояния преступных группировок, но на этот раз ставки были слишком высоки: речь шла о собственности, о переходе к частной собственности, причем на этот раз в полном соответствии с законом. Противостояние происходило сначала на уровне стрелок-перестрелок и взаимных посадок с помощью коррумпирован-

ных «ментов» (сотрудники милиции) или «комитетчиков» (сотрудники КГБ, затем ФСК – Федеральная служба контрразведки). Потом славянские авторитеты решили объявить войну кавказцам. В 1998 году прогремели еще более серьезные события все той же третьей воровской войны. На этот раз воровская кровь обильно пролилась, как ни парадоксально, из-за дефолта, объявленного в десятых числах августа 1998 года. Большая часть «общака» (своеобразная казна преступных сообществ) оказалась вложенной в моментально обесценившиеся бумажки государственных казначейских обязательств. Воры в этом отношении не были оригинальны и следовали примеру российских крупных правительственных чиновников.

Даже по официальной информации МВД на территории России в середине 1990-х годов «работало» двести-триста воров в законе. А общая численность «законной» воровской касты переваливала за две тысячи, большинство из которых составляли грузинские воры. Последние обосновались в России после того, как президент М.Н. Саакашвили ввел суровое уголовное наказание только за самопризнание о звании «вора в законе» (до 10 лет с конфискацией имущества). Столь решительные меры потребовались грузинскому лидеру лишь для того, чтобы расставить побольше сугубо своих людей [62].

Наряду с этим в 1990-е годы в России резко возрастает общая криминальная активность. Если в среднем за год с 1985 по 1990 год фиксировалось чуть больше 1,3 млн преступных деяний, то также в среднем за год с 1990 по 1995 год этот показатель составил 2,4, т.е. рост составил более чем в 1,8 раза [32]. Отметим, что речь идет пока лишь о зарегистрированных фактах. В то же время эксперты МВД России полагали, что свыше 40% пострадавших не сообщали о совершенных в отношении них криминальных деяниях [11, с. 6]. По данным социологического исследования, проведенного фондом «Общественное мнение», картина складывается еще более удручающая. 58% пострадавших не сообщает о случившемся в органы правопорядка [20]. Но по оценкам криминологов, в России в конце 1990-х годов регистрировалось не более одного из 4–5 преступлений (а по экономическим преступлениям еще меньше – одно преступление из 25) [34, с. 55]. Таким образом, с учетом всей совокупности факторов представляется вполне обоснованным утверждение, что реальный уровень преступности в России составлял в тот период не менее 12–15 млн преступных деяний в год [10, с. 67].

Можно сказать, что это подтверждается, хотя и не напрямую, статистикой числа совершенных убийств, которые по понятным причинам все-таки нельзя было не зарегистрировать. По числу умышленных убийств в расчете на 100 тыс. человек Россия занимала в конце 1990-х годов одно из ведущих мест в мире, вдвое опережая по этому показателю такое достаточно криминализированное общество, каким является США [21, с. 24]. А вот генеральный прокурор России Ю.И. Скуратов, к тому времени оставивший этот пост, отмечал, что в США в середине 1990-х годов совершается 8 убийств на 100 тыс. населения, а в России – 20 [54]. При этом в США регистрируется более 12 млн преступлений в год, тогда как в России, как мы уже говорили, – менее 3 млн. Вот почему у нас и есть основания делать заключение, что число зарегистрированных преступлений не выявляло реальной криминальной обстановки в России. Но даже тогда, когда преступления регистрировались, криминальная ситуация выглядела устрашающей. Только в 1998 году, например, было выявлено почти 1,4 млн человек, совершивших преступления [51, с. 176]. Получается, что за год каждый сотый россиянин изобличался в совершении преступления.

Все вышесказанное, как представляется, наглядно показывает, что в российском социуме уже к середине 1990-х годов произошли глубокие трансформационные изменения. При этом во многом эти перемены носили криминализированный характер. На поверку оказалось, что тот самый человек, который еще недавно в официальной советской пропаганде представлялся как самоотверженный труженик, ярый патриот и интернационалист, легко в новых условиях пополнял ряды допреступного, да и преступного социального мира. Как тут не вспомнить

замечание А.А. Зиновьева, что человек – существо универсальное [19, с. 156]. Имеется в виду, что в нем присутствуют и добрые помыслы, и злые намерения. Проявления всего этого зависят лишь от того, что востребуется обществом, что позволяет осуществить социальная среда. В свою очередь, наличие значительного числа преступных проявлений может модифицировать российское общество, умонастроения в нем, изменить сознание людей. Одновременно можно утверждать и наличие определенной притерпелости к преступной агрессии, что можно объяснить достаточно быстрым привыканием к постоянно поступающей информации, и отнюдь не только от средств массовой информации, об огромном числе антиправовых действий значительного числа индивидов, групп. Возникла невосприимчивость к аморальному поведению, социальная апатия от невозможности реального противостояния криминальному социальному миру. Отсюда и можно с достаточным на то основанием говорить о перерождении социальных институтов, невозможности в полной мере рационально оценивать все происходящее. Получается, что криминализация российского социума не может быть сведена к сугубо поведенческим актам, к статистике уголовной и иной преступности. Она по необходимости затронула сферу общественного сознания, деформировала его. Не фиксировать это, не видеть реальной взаимозависимости ментальных структур и социальных действий людей было бы неверно. Это не только мешало бы анализу реальных процессов в обществе в 1990-е годы, но и искажало бы саму действительность.

И еще очень важно отметить следующие обстоятельства, которые также оказывали влияние на сферу массового сознания. Российский криминалитет 1990-х годов быстро осваивал новые направления своей, с позволения сказать, деятельности. Это, конечно, «заказные» убийства. По сведениям Ю.И. Скуратова, начиная с 1992 года каждый год в нашей стране фиксировалось до 700 таких убийств [54]. Кроме этого, немало было и таких убийств, которые криминологи расценивают как «разборочные», когда происходили перестрелки между конкурирующими преступными группировками и убийства их лидеров [55, с. 81]. При этом следует отметить, что раскрываемость как заказных, так и разборочных убийств была исключительно низка. Были годы, когда было раскрыто от трети до пятой части таких преступлений [50]. В выявленной преступности в России исключительно велика была доля умышленных убийств. В Дании, Норвегии, Швеции, к примеру, этот показатель составлял 0,01–0,03%, в Финляндии, Германии, Канаде – 0,06–0,07%, в Японии, Италии, Венгрии, США – 0,12–0,25%. В России в 1993 г. – 1,04% [12, с. 48].

Впервые за многие годы, если не десятилетия, в России в 1990-е годы стали фиксироваться такие экстремальные виды криминальной активности, как захват заложников, политический терроризм. Например, в 1996 году в нашей стране было совершено (и зарегистрировано) 823 факта хищения людей, 138 захватов заложников, около 1 тыс. криминальных взрывов [21, с. 24]. Чуть ли не чем-то обыденным стали и перестрелки в городах, других поселениях, в том числе с использованием автоматического оружия. Понятно, что это оружие появлялось в результате краж из армейских arsenалов, что часто совершалось самими военнослужащими, ответственными за хранение боевого оружия. Кроме этого, распространенным явлением стал в этот период рэккет, или, если говорить иным, милицейско-полицейским, языком, вынуждаемая силовая защита. Неслучайно в силу сказанного вполне обоснованным становится вывод, что в нашей стране криминальная обстановка становилась все более опасной. При этом не только с точки зрения защиты жизни и имущества людей, но и с точки зрения национальной безопасности страны, ее перспектив. Вся совокупность отношений, социальных связей становилась все более криминализированной. И что было самым тревожным – стали появляться и закрепляться такие организованные преступные группы и сообщества, которые по многим своим характеристикам были подобны мафии. Об этом говорят такие данные: к концу перестройки, в 1989 году удельный вес преступлений, совершенных группами,

составлял в общей их массе 19,7%, в 1990 г. – 19,9%, в 1991 г. – 21,0%, в 1992 г. – 22,8%, в 1993 г. – 24,9% [11, с. 45]. Известный специалист в сфере борьбы с организованной преступностью, который возглавлял в МВД тогда еще СССР специальное управление по преодолению этого вида криминальной активности, А.И. Гуров отмечал, например, что в 1989 году в Советском Союзе было разоблачено 1,3 тысячи преступных групп, в 1990-м – уже 3,5 тысячи. И в их составе было 30 тысяч боевиков [11, с. 30]. Но численность преступных сообществ нарастала стремительно. В 1995 году, в сравнении с 1989 годом, их количество возросло в 32 раза [34, с. 306]. Организованная преступность в России стала представлять собой всепроникающее антисоциальное явление, она контролировала и направляла в 1990-е годы жизнедеятельность едва ли не всех сфер нашего общества.

Заключение

Подводя некоторые итоги, можно с полным основанием утверждать, что в 1990-е годы российское общество испытывало беспрецедентное давление преступного мира, было охвачено небывалым прежде, по крайней мере в XX веке, криминальным поражением политической системы социума, что выражалось, в частности, едва ли не всепроникающей коррупцией. Кроме этого, надо иметь в виду, что фиксировался рост общеуголовной преступности. Но что представляло особую опасность для всей системы социальных отношений – совершенно отчетливо проявляется в этот период организованная преступность, которая только формировалась в предшествующие годы. В следующей части статьи показана криминальная активность в 1990-е годы в социально-экономической и духовно-нравственной подсистемах российского общества.

Вклад автора / Contribution of the author

Автор подтверждает ответственность за следующее: разработка концепции и дизайна исследования; сбор данных; анализ и интерпретация результатов; подготовка и редактирование текста.

The author confirms responsibility for the following: study conception and design, data collection, analysis and interpretation of results, and manuscript preparation.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Список источников

1. Клисторин В.И. «Лихие девяностые» глазами экономиста // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2014. № 10. С. 181–189. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131>
2. Любичанковский С.В. Такие времена не выбрал бы для себя никто из нас: «Лихие девяностые» глазами очевидцев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (25). С. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2018.25.11>
3. Варданян А.В. Феномен агрессии в структуре современной насильственной преступности // Юристъ-Правоведъ 2018. № 2 (85). С. 39–44.
4. Челнокова М.Л. Несистемная оппозиция в современной России: этапы трансформации и технологии политической деятельности // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 11(88). С. 30–34. DOI: <https://doi.org/10.24158/per.2020.11.4>
5. Волкова Е.С. «Криминальные и погостные» 1990-е в художественных произведениях дальневосточных литераторов // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Языковедение и литературоведение. 2019. С. 116–134. DOI: <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10008>
6. Ващук А.С., Волкова Е.С. Размышления по итогам всероссийской научной конференции с международным участием «Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект» // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 114–121.

DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/114-121>

7. Титов В.В. Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(3). С. 20–24. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24>
8. Симчера В.М., Федоренко Н.П. Валовое промышленное производство России за 100 лет // Россия в окружающем мире: 2002 (Аналитический ежегодник). Отв. ред. Н.Н. Марфени. М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. С. 39–53.
9. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.
10. Осипов Г.В., Левашов В.К., Локосов В.В., Хлопьев А.Т. Перестройка и радикальные реформы: десять лет спустя // Социально-политический журнал. 1996. № 1. С. 170–184.
11. Петраков Н.Я. Все взгляды в наш карман // Деловой вторник. 1999. 17 августа.
12. Ракитская Г. Состояние и перспективы рабочего движения в России // Вопросы экономики. 1995. № 6. С. 57–66.
13. Наумова Т.В. Становление среднего класса в реформируемой России // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 4. С. 11–24.
14. Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018020-5>
15. ВЦИОМ. Социальное самочувствие россиян: сентябрь 2000 года. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=450>.
16. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 65–72.
17. Бутенко А.П. О характере созданного в России общественного строя // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 100–109.
18. Глазьев С.Ю. Экономика и политика: эпизоды борьбы. М.: Гнозис, 1994. 412 с.
19. Robert Winslow. A Comparative Criminology Tour of the World. URL: https://www-rohan.sdsu.edu/faculty/rwinslow/asia_pacific/russia.htm
20. Сибгатуллин Ф. Это после меня Ельцин сказал: берите суверенитета столько, сколько проглотите // Бизнес-газета. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/106218/>
21. Москва, осень-93: Хроника противостояния / [Составители Н.Л. Железнова и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Республика, 1995. 656 с.
22. Зелинская Н.А. Политические преступления в системе международной преступности. Феникс, Одесса, 2003. 400 с.
23. Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия. В 2 т. М.: ТОО «СИМС». 1994. Т. 2. Москва: ТОО «СИМС». 1994. 463 с.
24. Белая Е.В. Феномен терроризма в современном обществе: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04: М., 2005. 153 с.
25. Интервью А. Коржакова // Московский комсомолец, 2001. 3 июля.
26. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М: Изд-во ВНИИ МВД РФ, 1994. 152 с.
27. Стрельцов Д.В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года» // Японские исследования. 2018. № 4. С. 44–59. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10027>
28. Пригожин А.И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 114–126.
29. Локосов В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 86–91.
30. Быков В. Русская Феня. Смоленск: Траст-имаком, 1994. 224 с.
31. Радаев В. О роли насилия в современных деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 81–100.
32. Куколев И.В. Формирование российской бизнес-элиты // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 159–169.
33. Лурье Олег. Украденная Россия М.: Новая газета, 2002. 308 с.
34. Голенкова З.Т. Динамика социокультурной трансформации в России // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 77–84.

35. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
36. Страна в цифрах: Из специального доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О. Миронова // Новая газета. 2000. № 59.
37. Крапивин А. Преступления без наказания или как избежать тюрьмы // Братский городской портал // URL: <http://bratsk.org/report/show/9192.html>.
38. Очкина А.В. Некоторые особенности социальной структуры современного российского общества // Альтернативы. 2002. № 2. С. 192–196.
39. Корнилова О. Экстремистские настроения в молодежной среде и маргинальные группы как пространство формирования экстремизма // Вестник Самарского муниципального института управления. 2011. № 2 (17). С. 194–202.
40. Неймер Ю.Л. От кризиса общества к кризису труда // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 23–32.
41. Шевченко В.Н. Люмпенизация населения как угроза национальной безопасности России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 353–357.
42. Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания («Круглый стол») // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 48–61.
43. Гимпельсон В.Е., Назимова А.К. «Хозяин производства»: догма и реальность // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 22–31.
44. Российский статистический ежегодник 1997. М.: Госкомстат России, 1997. 750 с.
45. Неработающая часть Отдельного конструкторского бюро «Кварц» // Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Калининградской области» / Фонд № Р-98.
46. Кварц // URL: <https://заводы.рф/factory/kvarc>.
47. Ильина М.А. Частный извоз в провинциальном городе: самоорганизация социальной группы // Рубеж. 1999. № 13–14. С. 201–218.
48. Заславская Т.И. Бизнес – слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 3–11.
49. Дмитриев А.В. Конфликт на российском распутье // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 11–14.
50. Современная политическая история России (1985–1998 годы): В 2 т. / Всерос. обществ.-полит. движение в поддержку отеч. науки, культуры, образования, здравоохранения и предпринимательства «Духовное наследие», Междунар. неправительств. н.-и. и образоват. орг. «РАУ-корпорация»; Под общ. ред. В.И. Зоркальцева, А.И. Подберезкина. 2-е изд., доп. и перераб. Лица России. Т. 2 / [Отв. ред. А. А. Бочарников]. 1999. 968 с.: ил.
51. Лапина Н.Ю. Формирование современной российской элиты: проблемы переходного периода. Российская академия наук, Ин-т науч. информации по общественным наукам. 1995. 60 с.
52. Новые – забытые старые // Известия. 1996. 10 января.
53. Ачильдиев С. Куда мчишься ты, Russland-тройка? // Невское время. 21 декабря 2006 г.
54. Утицин О. Третья воровская война // Совершенно секретно. 2 августа 2011 г.
55. Лунеев В.В. Преступление и наказание в России // Демоскоп Weekly. № 239–240. 20 марта – 2 апреля 2006 г.
56. Преступность и правонарушения 1994: Ежегодный статистический сборник. М.: МВД РФ, 1995. 196 с.
57. Иванова Т. Чего боится россиянин // Комсомольская правда. 1997. 26 августа.
58. Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5. С. 47–58.
59. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М.: Изд-во ВНИИ МВД РФ, 1994. 152 с.
60. Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД России, МЦПО и КНИ МВД РФ. Москва. 1997. № 2. С. 147.
61. Скуратов Ю. Торговля правосудием – опасная вещь // Комсомольская правда. 1997. 8 июля.
62. Российский статистический ежегодник: Статистический сборник // Госкомстат России. Москва, 1999. 621 с.

63. Зиновьев А.А. Живи. СПб: «Нева», 2004. 320 с.
64. Слинко М.И. Заказные убийства: опыт комплексного исследования // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. Москва, Олимп, 1997. 316 с.
65. Рапорт МВД о себе и преступной среде // Российский вестник. 1997. 20 февраля.
66. Димов В. М. Проблемы девиантного поведения российской молодежи // Вестник МГУ: Социология и политология. 1997. № 3. С. 45–55.
67. Гуров А.И. Красная мафия. Москва: СТ «Самоцвет»: МИКО «Коммерч. вестн.», 1995. 328 с.

References

1. Klistorin V.I. "Dashing nineties" through the eyes of an economist. *ECO: All-Russian Economic Journal*, 2014, no. 10, pp. 181–189. (In Russ.).
2. Lyubichankovskij S.V. None of us would have chosen such times for ourselves: "Dashing nineties" through the eyes of etyewitnesses. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2018, no. 1 (25), pp. 111–121. (In Russ.).
3. Vardanyan A.V. The phenomenon of aggression in the structure of modern violent crime. *Lawyer-Lawyer*, 2018, no. 2 (85), pp. 39–44. (In Russ.).
4. Chelnokova M.L. Non-systemic opposition in modern Russia: stages of transformation and technology of political activity. *Society: politics, economics, law*, 2020, no. 11(88), pp. 30–34. (In Russ.).
5. Volkova E.S. "Criminal and graveyard" of the 1990s in the works of art of literary writers. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Linguistics and literary studies*, 2019, pp. 116–134. (In Russ.).
6. Vashhuk A.S., Volkova E.S. Reflections on the results of the All-Russian scientific conference with the international study "Reforms of the late XX – early XXI century in the post-Soviet space: regional aspect". *News of the Eastern Institute*, 2021, no. 1, pp. 114–121. (In Russ.).
7. Titov V.V. Images of the Soviet past as a resource for the formation of the national-state identity of Russians. *Humanities. Bulletin of the University of Finance*, 2020, no. 10(3), pp. 20–24. (In Russ.).
8. Simchera V.M., Fedorenko N.P. Gross industrial production of Russia for 100 years // Russia in the world around: 2002 (Analytical yearbook). Resp. ed. N.N. Marfeni. M.: Publishing House MNEPU, 2002, pp. 39–53. (In Russ.).
9. Putin V.V. Russia at the turn of the millennium. *Independent newspaper*, 1999. December 30th. (In Russ.).
10. Osipov G.V., Levashov V.K., Lokosov V.V., Xlop`ev A.T. Perestroika and radical reforms: ten years later. *Socio-political journal*, 1996, no. 1, pp. 170–184. (In Russ.).
11. Petrakov N.Ya. All eyes in our pocket. *Business Tuesday*, 1999. 17 August. (In Russ.).
12. Rakitskaya G. The state and prospects of the labor movement in Russia. *Economic issues*, 1995, no. 6, pp. 57–66. (In Russ.).
13. Naumova T.V. The formation of the middle class in reformed Russia. *Socio-humanitarian knowledge*, 1999, no. 4, pp. 11–24. (In Russ.).
14. Completion of the Soviet era: estimates from a distance of 30 years (round table). *Sociological studies*, 2021, no. 12, pp. 3–26. (In Russ.).
15. VTSIOM. Social well-being of Russians: September 2000. (In Russ.).
16. Yadov V.A. Russia as a transforming society (summary of many years of discussion of sociologists). *Society and Economics*, 1999, no. 10–11, pp. 65–72. (In Russ.).
17. Butenko A.P. On the nature of the social system created in Russia. *Sociological research*, 1994, no. 10, pp. 100–109. (In Russ.).
18. Glaz`ev S.Yu. Economics and politics: episodes of struggle. M.: Gnosis, 1994, 412 p. (In Russ.).
19. Robert Winslow. A Comparative Criminology Tour of the World. URL: http://www-rohan.sdsu.edu/faculty/rwinslow/asia_pacific/russia.htm.
20. Sibagatullin F. It was after me that Yeltsin said: take as much sovereignty as you swallow. *Business newspaper*. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/106218/>. (In Russ.).
21. Moscow, autumn-93: Chronicle of confrontation [Compiled by N.L. Zheleznov and others]. 2nd ed., Rev. and add. M.: Republic, 1995, 656 p. (In Russ.).
22. Zelinskaya N.A. Political crimes in the international crime system. Fenix, Odessa, 2003, 400 p. (In Russ.).

23. Khasbulatov R.I. Great Russian tragedy. In 2 vol. M.: SIMS LLP. 1994. VOL. 2. Moscow: SIMS LLP, 1994, 463 p. (In Russ.).
24. Belaya E.V. The phenomenon of terrorism in modern society: Dis.... cand. sociol. sciences: 22.00.04: M., 2005, 153 c. (In Russ.).
25. Interview A. Korzhakova. *Moscow Komsomolets*, 2001. July 3. (In Russ.).
26. Goryainov K.K., Isichenko A.P., Kondratyuk L.V. Latent crime in Russia: experience in theoretical and applied research. M: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation All-Russian Research Institute publishing house, 1994, 152 p. (In Russ.).
27. Strel'czov D.V. Political corruption in Japan during the "1955 system". *Japanese research*, 2018, no. 4, pp. 44–59. (In Russ.).
28. Prigozhin A.I. The phenomenon of catastrophe (dilemmas of crisis management). *Social sciences and timeliness*, 1994, no. 2, pp. 114–126. (In Russ.).
29. Lokosov V.V. Stability of society and the system of extremely critical indicators of its development. *Sociological research*, 1998, no. 4, pp. 86–91. (In Russ.).
30. By`kov V. Russian Fenya. Smolensk: Trust imacom, 1994, 224 p. (In Russ.).
31. Radaev V. On the role of violence in modern business relations. *Economic issues*, 1998. no. 10, pp. 81–100. (In Russ.).
32. Kukolev I.V. Formation of the Russian business elite. *Sociological journal*, 1995, no. 3, pp. 159–169. (In Russ.).
33. Lur`e Oleg. Stolen Russia M.: New newspaper, 2002, 308 p. (In Russ.).
34. Golenkova Z.T. Dynamics of sociocultural transformation in Russia. *Sociological research*, 1998, no. 10, pp. 77–84. (In Russ.).
35. Zaslavskaya T.I. Social structure of modern Russian society. *Social sciences and modernity*, 1997, no. 2, pp. 5–23. (In Russ.).
36. Country in numbers: From the special report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation O. Mironov. *New newspaper*, 2000, no. 59. (In Russ.).
37. Krapivin A. Crimes without punishment or how to avoid prison. *Bratsk city portal*. URL: <http://bratsk.org/report/show/9192.html> (In Russ.).
38. Ochkina A.V. Some features of the social structure of modern Russian society. *Alternatives*, 2002, no. 2, pp. 192–196. (In Russ.).
39. Kornilova O. Extremist sentiments among young people and marginal groups as a space for the formation of extremism. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 2011, no. 2 (17), pp. 194–202. (In Russ.).
40. Nejmer Yu.L. From the crisis of society to the crisis of labor. *Sociological research*, 1992, no. 5, pp. 23–32. (In Russ.).
41. Shevchenko V.N. Lumpenization of the population as a threat to Russia's national security. *Where is Russia going? Alternatives to social development*. M.: Aspect Press, 1995, pp. 353–357. (In Russ.).
42. The dynamics of the social structure and the transformation of social consciousness ("Round Table"). *Sociological research*, 1998, no. 12, pp. 48–61. (In Russ.).
43. Gimpel'son B.E., Nazimova A.K. "Master of Production": dogma and reality. *Sociological research*, 1991, no. 8, pp. 22–31. (In Russ.).
44. Russian Statistical Yearbook 1997. M.: Goskomstat of Russia, 1997, 750 p. (In Russ.).
45. Non-working part of the Separate Design Bureau "Quartz". *Regional State Government Institution "State Archive of the Kaliningrad Region" / Fund No. R-98*. (In Russ.).
46. Quartz. URL: <https://заводы.рф/factory/kvarc>. (In Russ.).
47. Il`ina M.A. Private transportation in a provincial city: self-organization of a social group. *Frontier*, 1999, no. 13–14, pp. 201–218. (In Russ.).
48. Zaslavskaya T.I. Business is layer of Russian society: essence, structure, status. *Sociological research*, 1995, no. 3, pp. 3–11. (In Russ.).
49. Dmitriev A.V. Conflict at the Russian crossroads. *Sociological research*, 1993, no. 9, pp. 11–14. (In Russ.).
50. Modern political history of Russia (1985-1998): In 2 volumes / All-Russian society-political movement in support of fathers. Science, Culture, Education, Health and Entrepreneurship "Spiritual Heritage," International. non-governmental organizations. nor. and called. org. RAU Corporation; Under the general.

- ed. V.I. Zorkaltseva, A.I. Podberezkina. 2nd ed., Add. And revised. Faces of Russia. T. 2 / [Resp. ed. A.A. Bocharnikov]. 1999, 968 p.: ill. (In Russ.).
51. Lapina N.Yu. Formation of the modern Russian elite: problems of the transition period. Russian Academy of Sciences, Institute of Science. Social science information. 1995, 60 p. (In Russ.).
52. New – unforgettable old. *Izvestia*, 1996. January 10. (In Russ.).
53. Achil'diev S. Where are you rushing, Russland-three? *Neva time*. December 21, 2006. (In Russ.).
54. Uticin O. Third thieves' war. *Top Secret*. August 2, 2011. (In Russ.).
55. Luneev V.V. Crime and punishment in Russia. *Demoscope Weekly*. 2006, no. 239–240. March 20 – April 2. (In Russ.).
56. Crime and Delinquency 1994: Annual Statistical Compendium. M.: Ministry of internal affairs of the Russian Federation, 1995, 196 p. (In Russ.).
57. Ivanova T. What is the Russian afraid. *Komsomolskaya Pravda*, 1997. 26 August. (In Russ.).
58. Luneev V.V. Crime in Russia during the transition from socialism to capitalism. *State and law*, 1998, no. 5, pp. 47–58. (In Russ.).
59. Goryainov K.K., Isichenko A.P., Kondratyuk L.V. Latent crime in Russia: experience in theoretical and applied research. M: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation All-Russian Research Institute publishing house, 1994, 152 p. (In Russ.).
60. News of the methodological center for vocational education and coordination of scientific research of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ICPO and KNI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 1997, no. 2, p. 147. (In Russ.).
61. Skuratov Yu. Trade in justice is a dangerous thing. *Komsomolskaya Pravda*, 1997. July 8. (In Russ.).
62. Russian Statistical Yearbook: Statistical Compendium. *Goskomstat of Russia*. Moscow, 1999, 621 p. (In Russ.).
63. Zinov'ev A.A. Live. St. Petersburg: Neva, 2004, 320 p. (In Russ.).
64. Slin'ko M.I. Contract killings: experience in complex research. *Study of organized crime: Russian-American dialogue*. Moscow: Olympus, 1997, 316 p. (In Russ.).
65. Report of the Ministry of Internal Affairs about itself and the criminal environment. *Russian Bulletin*, 1997. February 20. (In Russ.).
66. Dimov V.M. Problems of deviant behavior of Russian youth. *Bulletin of Moscow State University: Sociology and Political Science*, 1997, no. 3, pp. 45–55. (In Russ.).
67. Gurov A.I. Red Mafia. Moscow: ST "Gem": MIKO "Commerch. known", 1995, 328 p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Кривошеев Владимир Вениаминович – доктор социологических наук, доцент, профессор образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Российская Федерация)

✉ VKrivosheev@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1380-6041>

Vladimir V. Krivosheev, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Educational and Scientific Cluster Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)

Статья поступила / Received: 15.10.2024.

Доработана после рецензирования / Revised: 27.11.2024.

Принята к публикации / Accepted: 28.11.2024.